

сделал более восемнадцати. За сражение близ Трафальгарского мыса противу французского и гишпанского флота получил медаль лорда Нельсона...»

Вот так штука! Оказывается, в Трафальгарском сражении 21 октября 1805 года принимали участие и русские моряки! Но знают ли об этом в Англии? И знают ли в России?

Описывая свою службу на флоте, А.С.Куломзин указывает, что «бывал в походах против неприятеля в Балтийском, Немецком, Средиземном и Адриатическом морях, в Африке, Вест-Индии и Карфагене, в сражениях находился на английских военных судах и в 1812 году на российских военных судах под городом Ригою и противу береговых укреплений города Данцига». На английские корабли он мог попасть в качестве волонтера. Такая практика — посылать выпускников Морского корпуса на английские корабли для приобретения опыта длительных океанских плаваний — существовала.

Из Британской энциклопедии узнал, что корабль «Виктория», на котором адмирал Нельсон погиб в Трафальгарском сражении, стоит в Портсмуте, а на борту его — Военно-морской музей. Написал туда письмо с просьбой сообщить, что известно в Англии о русских волонтерах, воевавших у Нельсона против флота Наполеона.

В ответ получил фотокопии трех листов «Трафальгарского списка», на которых отмечены русские моряки, прини-

мавшие участие в сражении. Вот их имена: сверхштатный волонтер I класса Филипп Мендель, мичман Николай Караванов и мичман Александр Куломзин. В коротеньком письме, приложенном к фотокопиям, содержится подтверждение, что все без исключения участники сражения были награждены памятной медалью с портретом адмирала Нельсона.

На российских военных судах под городом Ригою А.С.Куломзин участвовал в должности командира катера «Топаз», выполняя особые поручения посла России в Швеции П.К. Сухтелена. В архивах сохранились рапорта Куломзина о действиях катера и расписка в получении от посла 200 шведских риксталеров для расплаты с лоцманами.

В 1818 году А.С. Куломзин «за болезнью и по прошению был уволен от службы капитан-лейтенантом с мундиром и за выслугу на море узаконенных кампаний с пенсионом половинного жалованья из 720-рублевого в год оклада».

Три старших брата Александра Семеновича были флотскими офицерами: Петр и Николай служили на эскадре адмирала Ф.Ф.Ушакова, Глеб в 1808 году вышел в отставку, но в 1812-м возглавил батальон костромского ополчения и участвовал во взятии русскими войсками Парижа в 1814 году.

Сын Александра Семеновича Аполлон тоже служил на флоте. Вот с семьей Аполлона Александровича как раз и был знаком А.П.Бородин.

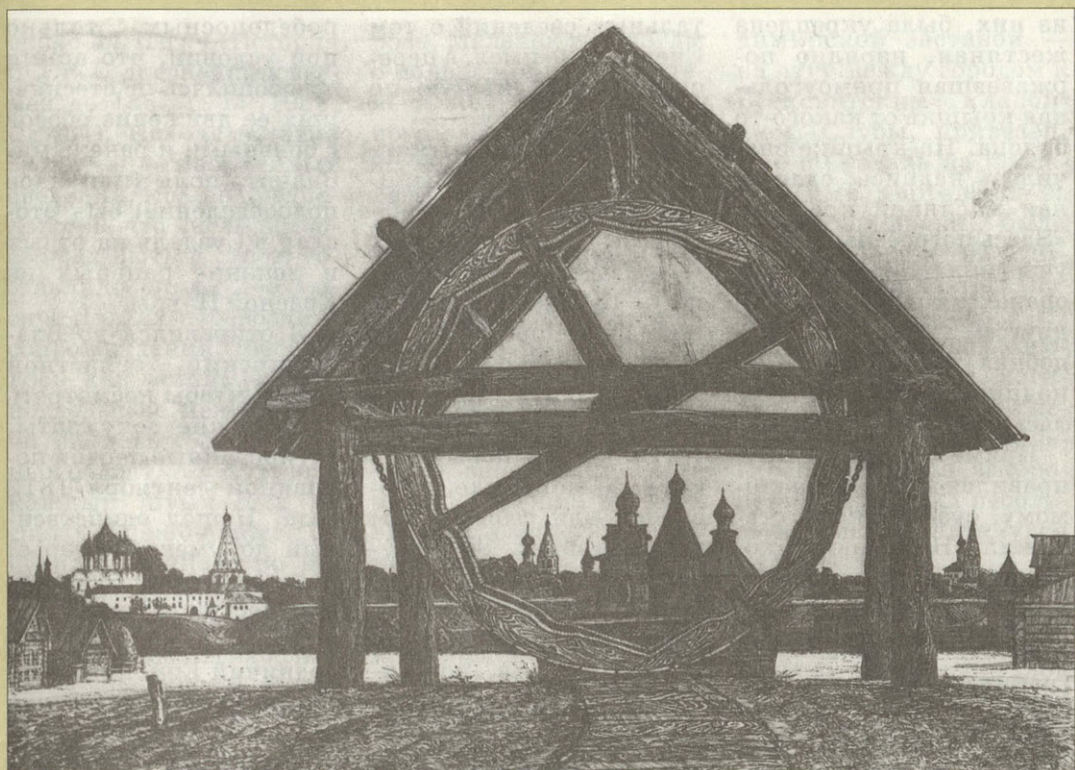
## Э Х О БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Виктор Огурцов

В одну из первых моих поездок в Суздаль я пошел на Всехсвятское кладбище, называемое так по бывшей на нем когда-то бес-

приходной церкви во имя Всех Святых. Я обошел всю старую часть кладбища, почитал надписи на памятниках и в северном углу набрел на

довольно странное захоронение: недалеко один от другого два внушительных размеров холма. На деревце, выросшем у подножия одного



Романтика старины на офорте Владимира Мымрина



Чисто и уютно в крестьянской избе из села Лог  
Музей деревянного зодчества

из них, была укреплена жестяная, изрядно поржавевшая прямоугольная крышка от какого-то бидона. На крышке значилась надпись, сделанная масляной краской: «Здесь погребены воины, участники Бородинского сражения 1812 г.». На другом холме была подобная же табличка, но надпись частично стерлась.

Прямо с кладбища отправился к своему знакомому, суздальскому старожилу Николаю Николаевичу Антонову. Старожил он такой, что и вообразить трудно: его предок, посадский человек Куземка Антонов, торговавший в Суздале хлебом, упоминается в писцовой книге 1628–1629 годов, а потомки Куземки Антонова прослежены по документам до наших дней. Зная объем сведений, которыми обладает Николай Николаевич, я как-то назвал его Большой суздальской энциклопедией.

Антонов поведал мне, что могилами на Всехсвятском кладбище занимался ныне покойный Владимир Михайлович Снегирев, страстный краевед, оставивший после себя солидную рукопись «Записки о Суздале». Как уверял Снегирев, после Бородинского сражения 1812 года, один из русских полков был отправлен в Суздаль для отдыха и лечения раненых. Иные из раненых умирали — их хоронили на Всехсвятском кладбище. Никаких докумен-

тальных сведений о том Снегирев не имел, а пересказывал ходившую по Суздалю легенду.

И я занялся безымянными могилами. Выписал все полки и другие воинские подразделения, участвовавшие 24–26 августа 1812 года в сражении при Бородине. Их оказалось 118.

Проследить историю каждого полка и выявить тот, который побывал в Суздале на отдыхе, я посчитал для себя трудом непосильным. В Государственном Историческом музее имеются сведения лишь о боевых подвигах полков, воевавших на Бородинском поле, которые после Бородине продолжали боевые действия.

Подобную информацию я получил и в Музее Советской Армии. Владимирский областной музей вообще впервые услышал от меня, что в Суздале отдыхал какой-то полк. Изданные воспоминания участников Отечественной войны обстановку не прояснили. Лишь в распоряжениях по армии М.И.Кутузова и в его донесениях императору я нашел зацепку.

«Главная забота, которую теперь занимаемся, — писал 11 сентября 1812 года Кутузов Александру I, — есть укомплектование войск». В эти дни армия находилась в окрестностях села Красная Пахра. Последовавший затем стремительный переход к Тарутину (знаменитый «Тарутинский маневр») мог быть

победоносным только при условии, что армия освободилась от стеснявших ее движение обозов с большими и ранеными. Значит, полк (или иное подразделение) был отослан в Суздаль на отдых и лечение раненых из Красной Пахры.

Я отправился во Владимирский областной архив, чтобы посмотреть суздальские документы, датированные первой половиной сентября 1812 года. Нашел единственный документ, который как-то пролил свет на интересующее меня событие: 11 сентября городничий Ермолин известил городскую думу о том, что в городе учреждается «для присылаемых больных нижних воинских чинов» больница, в которую предлагается «от своих избытков» сделать пожертвования на приобретение льняного холста для рубах, портов, тюфяков и подушек. По времени — все совпадает.

Не полк, оказывается, шел в Суздаль на отдых, а эвакуировались солдаты и унтер-офицеры, настолько израненные и изнуренные болезнями, что не могли быть в строю и держать в руках оружие. Сколько же их было?

По одним данным, в Бородинском сражении русская армия потеряла убитыми и ранеными 25 тысяч человек (Отечественная война 1812 г. Материалы военно-учетного архива. Спб., 1911. Т. XVI. С. 120), по другим —

около 44 тысяч (История СССР. С древнейших времен до 1861 г. М., 1983. С. 481). Исходя из этих столь противоречивых сведений, можно предположить, что число способных быть в строю составляло около 2–5 тысяч. Для их перевозки и сопровождения требовалось как минимум 500 подвод и не менее тысячи здоровых боеспособных солдат. А у Кутузова каждый штык был на счету. Еще 30 августа он писал в приказе по армии: «... Замечено сегодня, что некоторые полки оставляют ослабелых на походе людей и при каждом из них по одному человеку здоровому. Не упоминая в сем приказе имен полков, предписывается строгим образом прекратить сие, но если бы на марше делались люди слабыми, то собирая таковых от целого полка и по-батальонно прибавить, смотря по числу людей, по одному, по два, но не более трех здоровых к ним людей».

Учитывая все это, можно полагать, что из района Красной Пахры раненые и больные солдаты при минимально возможном числе сопровождающих были отправлены в ближайшие уезды Владимирской губернии — человек по пятьсот в каждый.

В конце 1812 года эти солдаты вновь вызвали беспокойство губернских властей. Почти одновременно поступили донесения из уездных городов Покрова, Суздаля, Ков-

рова, Меленок и Судогды о появлении среди жителей желудочно-кишечного заболевания. В губернской врачебной управе запаниковали: если «маются животом» одновременно в нескольких городах многие люди, то это похоже на эпидемию.

Губернатор тотчас отправил с нарочными запросы в уезды: с какого времени наблюдается в уезде заболевание и с чем, по мнению уездных властей, связано его возникновение.

Ответы городничих и исправников сводились к следующему. Заболевание обнаружилось еще в середине октября, после того, как в городах появились раненые солдаты, прибывшие для лечения.

Первоначально желудочная болезнь была только среди солдат, и донесения об этом шли по военному ведомству. Затем заболевание появилось у жителей, заходивших в солдатские больничные палаты. Муромский городничий сообщил, что «хотя и имеется довольно количество больных нижних воинских чинов, но оные находятся пользованием не в обывательских домах, а в госпитале, назначенном от города в отдаленном месте».

Такое же отдаленное от города место было выделено под госпиталь и в Суздале. Николай Иванович, ссылаясь на Снегирева, сообщил мне, что военно-медицинский лагерь был разбит за Вла-

димирской заставой — на лугу между городом и Всехсвятским кладбищем. Срубы, привезенные в Суздаль на продажу (ими торговали на Лесной площади), были пожертвованы на устройство больничных помещений.

Умерших солдат хоронили в братских могилах, засыпая могилы негашеной известью (Снегирев, исследуя захоронения, прокопал небольшую ямку и наткнулся на известь).

Можно было бы продолжить изучение истории данного захоронения, но я остановился. Выяснил, что в других уездных городах, где пребывали раненые, память о том не сохранилась. Следовательно, Суздаль является единственным в России городом, обладающим редчайшим памятником — братскими могилами солдат, ушедших ранеными, но живыми, с Бородинского поля. И если этот памятник взять на учет, то интерес с нему военных историков может побудить к новым, более глубоким исследованиям эпизодов Отечественной войны 1812 года.

Последовавшая за этим моя переписка с разного рода учреждениями привела к тому, что могилы облагообразили и заменили жестяные таблички каменными плитами. Не уверен, что захоронение зарегистрировано как памятник истории Отечества. Но хотелось бы, чтобы оно осталось в памяти поколений.